

МЕТАФИЗИКА
ВЛАСТИ
И
ЭВОЛЮЦИЯ
ДЕМОКРАТИИ

И.И. АНТОНОВИЧ

Иван Антонович

**Метафизика власти и
эволюция демократии**

«Высшая школа»

2023

УДК 321
ББК 66.0

Антонович И. И.

Метафизика власти и эволюция демократии / И. И. Антонович —
«Вышэйшая школа», 2023

ISBN 978-985-06-3490-0

Рассматривается эволюция демократии от древности до ее современного состояния. В капиталистической и социалистической системах определены главные измерения и механизмы демократического процесса. Представлены модели демократии, сделан перспективный прогноз ее будущего. Исследованы точки зрения ведущих политологов современного мира, проанализированы труды, издаваемые во второй половине XX - начале XXI в. на английском, французском, немецком, польском, белорусском и русском языках. Для политологов и социологов, изучающих социально-политическую динамику современного мира, и всех, кто интересуется нынешним состоянием демократии, перспективами развития демократических процессов, особенностями становления демократических моделей в суверенных государствах постсоветского пространства.

УДК 321
ББК 66.0

ISBN 978-985-06-3490-0

© Антонович И. И., 2023
© Вышэйшая школа, 2023

Содержание

Введение	6
Раздел I	10
Глава 1	10
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Иван Антонович Метафизика власти и Эволюция демократии

Рецензент:

член-корреспондент Национальной академии наук Беларуси доктор социологических наук, профессор *А.Н. Данилов*

© Антонович И.И., 2023

© Оформление. УП «Издательство “Вышэйшая школа”», 2023

Введение

*Посвящается семейству Агишевых -
Асе, Юле, Ульяне, Алёне, Ивану*

Метафизика изучает первоосновы бытия и познания, нацелена на постижение смысла человеческого существования. Это одновременно онтология и гносеология, в которых присутствует и мощный аксиологический элемент, ибо получаемые в ходе метафизических исследований и размышлений знания непременно подвергаются оценке как с точки зрения их практического применения, так и с точки зрения их соответствия реальному бытию мира вещей.

Исходя из этого, метафизика власти представляет собой попытку осмыслить условия социального бытия и происхождения власти в человеческом обществе по мере его становления и развития, определить сферу политики как жизнеобеспечения реализации власти, понять природу человека – носителя власти и его участие в политике, определить взаимодействие власти с социально-историческими процессами, развитие, формирующее условия человеческого бытия.

В марксистской литературе понятие власти в полном его объеме и на различных этапах исторического существования не изучалось. Ставилась историческая задача обеспечения власти пролетариата, а диктатура пролетариата подавалась как единственная форма власти, которая могла обеспечить будущее развитие человечества. Таким образом, многообразие власти и ее форм, характер носителей власти, социальное поведение и целеобразование достались в качестве предмета исследования либеральной традиции в современной философии.

Длительное время исследование природы власти сводилось к раскрытию ее божественного происхождения, и только в эпоху Просвещения и буржуазных революций 1848 г., когда реальными носителями власти во многих странах стали новые демократические силы, метафизика власти была неотъемлемым компонентом философских исследований общества. В целеполагании действующих народных масс, социальных групп и индивидов борьба за власть неизменно подавалась как компонент общественного развития. Вместе с тем в историческом аспекте власть понимается как концептуальное отражение общественных структур, самоупорядочение, саморегуляция, которые в конкретных исторических условиях выдвигали из глубин человеческой массы людей, способных определить принципы этого самоупорядочения, навязать общественному поведению дисциплину и ответственность, создать уникальную среду безопасности для действующих индивидов.

Первобытный человек был незащищен перед всяким, кто являлся сильнее его и мог отобрать скудные средства к существованию. В этом смысле носители власти выступали как упорядочивающие общественные процессы и защищающие действующих людей, что придавало власти сакральный характер, который отражается во многих социологических и философских исследованиях власти. В современной научной литературе и мысли в определении власти доминирует формулировка, которая принадлежит американскому исследователю Самюэлю Хантингтону: «Обществу нужен порядок прежде, чем ему нужна демократия»¹. Другой известный современный социолог Майкл Манн охарактеризовал власть как «способность одних людей заставлять других делать вещи и совершать поступки, которых они не смогли бы сделать без принуждения. С тем, чтобы достичь своих целей, какими бы они ни были, мы вступаем во взаимоотношения власти, сопровождающиеся как конфликтом, так и сотрудничеством с другими людьми, и на этой основе формируются социальные отношения в обществе»².

---

¹ Samuel Huntington. Political order in Changing Societies. New York, 2018. P. 32.

² Michael Mann. The Sources of Social Power. New York, 2012. Vol. 1. P. 1.

Исторически власть прошла длительный путь эволюции. Известный французский исследователь власти Бертран де Жувенель, как и ряд других мыслителей, подчеркивает, что в человеческой жизни отеческая власть есть первая. Отсюда, по его мнению, начиная с античности вплоть до середины XIX в., все мыслители видели в семье первоначальное общество, простейшую клетку последующей общественной системы, а в отеческой власти – первую форму появления основы для других³. Жувенель убежден, что семьи возникают также, как и индивидуумы, и рано или поздно они группируются в сообщества, договариваясь о принципах решения совместной судьбы и обеспечения выживания во враждебной и поначалу мало им известной природной среде.

Первоначально для того, чтобы быть эффективной, власть освящалась религиозными убеждениями, ей придавался магический характер – такая оценка присутствует в большинстве современных исследований. Во власти есть определенный магнетизм и сакральность, ее функционирование обеспечивается наиболее талантливыми индивидами, способными вдохновлять, организовывать и подчинять массы людей своим целям и задачам. Устойчивость власти определяется тем, насколько ее носители уважают интересы масс, которыми они призваны управлять, поэтому функционирование власти имеет личностный, индивидуальный элемент. Одни индивиды вдохновляют на совместное законопослушное поведение своих собратьев, выдвигая перед ними цели, которые отвечают их условиям выживания, другие – применяют насилие для реализации тех целей, которые закрепляют их пребывание у власти и только частично отражают интересы своего общества в целом. Поэтому в основе власти изначально лежит взаимоуважение и взаимозависимость действующих индивидов, однако в условиях разнообразия человеческого общества реализация принципов власти всегда обеспечивается путем насилия, отвечающего совместно принятым законам и правилам действий, или навязываемыми мощными носителями в качестве парадигмы поведения в будущем.

В современной философии власти, исследованиях этапов ее эволюции и особенно принципов ее возникновения, существования и реализации повсюду в мире очень сильна христианская традиция. В Новом Завете в Евангелии от Матфея изложены некоторые принципы современной власти, важнейший из которых состоит в том, что Иоанн Креститель, предшественник Христа, проповедовал принцип «покайтесь, ибо приблизилось царство Божие... и крестились от него в Иордании, исповедуя грехи свои»⁴. Этот важнейший принцип покаяния, самоисповедования, чувства ответственности – непереносимое условие возникновения и существования власти. Иоанн Креститель, однако, вводил в понимание власти и элемент насилия, намекая на пришествие Христа, говоря о том, что вскоре придет некто, кто сильнее его, и он будет крестить людей «духом святым и огнем», предполагающий устранение индивидов и элементов поведения, которые мешали бы функционированию общества: «Всякое дерево, не приносящее доброго плода, срубают и бросают в огонь»⁵. В Евангелии от Матфея присутствует и принудительный элемент – потребность поклонения одному Богу и призыв следовать за ним в ответ на обещание сделать следующих «ловцами человеков». В основе этого введения и поведение через закон «ни одна нога и ни одна черта не перейдет из закона, пока не исполнится все». Исследование принципов власти определяется и регламентируется наказанием и вознаграждением – своего рода иерархия наказаний и вознаграждений: «Итак, кто нарушит одну из заповедей сих малейших и научит так людей, тот малейшим наречется в Царстве Небесном; а кто сотворит и научит, тот великим наречется в Царстве Небесном»⁶. Дальше следуют нравственно-поведенческие заповеди типа «не убивай – кто же убьет, подлежит суду», «не гневайся

---

³ Бертран де Жувенель. Власть. Естественная история ее возрастания. М., 2010. С. 107–122.

⁴ Библия. Евангелие от Матфея. Российское Библейское общество. М., 2013. С. 1–35.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

на брата своего – мирись с соперниками своими скорее, пока ты еще на пути с ним, чтобы соперник не отдал тебя судьбе, а судья не отдал бы тебя судьбе, и не ввергли бы тебя в нищету»⁷. Тут и более конкретные установки, за которыми тоже следует вознаграждение и наказание: «не смотреть на женщину с вожделием», «не преступать клятвы», «не изменять заветам Господа». Очень важно, что послушание вводится в качестве элемента общественного поведения: «А я говорю вам: не противься злему. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую»⁸. Важнейшим условием общественного существования и общественного порядка объявляется взаимная благотворительная помощь ближнему.

Притча «любить врагов своих, благословлять проклинающих, благотворить ненавидящих» редко когда исполнялась. В структурах реальной исторической власти присутствует как нравственный императив, так и ориентация почти во всех доктринах, оправдывающих конкретного влаstonосителя или конкретные проявления динамики власти. Очень интересен факт тайного осуществления замыслов и планов: «Ты же, когда молишься, войди в комнату твою и, затворив дверь твою, помолись Отцу твоему, который втайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно»⁹. И тут же жесткое предупреждение: молясь, не говорить лишнего, тщательно продумывать свое поведение и поступки и не спешить объяснять их значение. Процесс повиновения власти жестко ограничивается лояльностью и покорностью: «Никто не может служить двум господам: ибо или одного будет ненавидеть, а другого любить; или одному станет усердствовать, а о другом не радеть. Не можете служить Богу и маммоне»¹⁰.

Чрезвычайно важной является ориентация на совершенствование, возвышенный идеал, когда предлагается искать прежде всего Царство Божие. Эта ориентация способствует сакрализации власти и становится достаточно реальной, если власть ставит цели, достойные того, чтобы за них бороться и страдать. Важнейший принцип сосуществования и реализации структуры власти – взаимоуважение и принятие: «Итак во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними, ибо в этом закон и пророки»¹¹. Этот важнейший этический императив общественных отношений и власти так или иначе устойчиво повторяется почти во всех структурах и исследованиях власти. Подобное основополагающее положение сопровождается массой дополнительных комментариев и упреждений вроде необходимости беречься от лжепророков, по реальным действиям узнавать намерения людей и ряд других совершенно конкретных рекомендаций.

В этой философии власти жестко и неизменно присутствует элемент насилия: «Не думайте, что Я пришел принести мир на землю; не мир пришел Я принести, но меч»¹². Сегодня эта притча истолковывается в разных исследованиях противоречиво: одни оправдывают, а другие считают ее неприемлемой в современном обществе. Однако она твердо ориентирует на характер наказания – принуждение к социально ответственному поведению – и это дополняется жестким указанием о необходимости нести свой крест и следовать за Христом, охраняя нравственность и учение Христа: «Сберегший душу свою, потеряет ее; а потерявший душу свою ради Меня, сбережет ее»¹³.

Это важнейший призыв к необходимости жертвенного трудового исполнения своей миссии в мире, и исполняющие свой долг призывают прийти к спасителю, ибо он успокоит. Одновременно с жесткими этическими принципами сожития и взаимного уважения в притчах о власти содержится твердый и трезвый пункт «кто не со мною, тот против меня; и кто не соби-

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Там же.

рает со мною, тот расточает. Посему говорю вам: всякий грех и хула простятся человекам, а хула на Духа не простится человекам; если кто скажет слово на Сына Человеческого, простится ему; если же кто скажет на Духа Святаго, не простится ему ни в сем веке, ни в будущем»¹⁴.

Итак, повинование – это награда стать братом и сестрою Сына Божьего. Детализация обязанностей и принципов поведения человека в современном обществе, изложенная в Евангелии от Матфея, представляет собой единую законченную парадигму власти как условия выживания человеческого сообщества в религиозной литературе.

В данном издании будет сделана попытка проследить формирование понятия власти в европейской философской и социологической литературе, остановиться на некоторых важных этапах развития самой концепции и систем власти в европейском социально-политическом пространстве, взаимоотношениях носителей власти и политических ориентаций в современном обществе и самое главное – эволюции структур и форм власти в одну довлеющую в современном европейском историческом контексте – демократии. Были использованы исследования, которые проводились в различных европейских странах в XIX–XX вв., некоторые из выводов этих исследований к конкретной исторической действительности.

И.И. Антонович

---

¹⁴ Там же.

Раздел I

Саморегуляция общества и диалектика власти

Глава 1

Религиозно-исторические и социальные основы становления власти

Корни западной демократической традиции, по мнению многих исследователей, восходят к так называемым децентрализованным цивилизациям первого тысячелетия до новой эры – Финикии и Греции. Из двух стран в современных исследованиях политической власти и ее эволюции фигурирует Греция как прототип современных политических структур и как образец для становления новых демократических устройств. На этой основе возникли макро-исторические процессы, в которых реализовались многообразие образцов политического поведения и централизованная власть. Цивилизации централизованного управления «всасывали» в себя многочисленные маргинальные, хаотические и анархические структуры и в конечном итоге в ходе столетий создали устойчивые образцы, которые можно использовать для изучения направлений эволюции и развития современных структур власти.

Греческая структура власти характеризовалась тремя концентрическими кругами, накладывавшимися один на другой. Первый – это город-государство; второй – это многогосударственная геополитическая организация, объединенная языком и культурой (ее наиболее четким выражением явилась Греция); третий – это человечество, окружавшее эту структуру власти в многочисленных формах своего существования от диких до первоначально цивилизованных, а затем до имеющих начала демократического управления. Носителями того, что сегодня понимается под греческой демократией, были первых два концентрических круга: город-государство и геополитическая организация из множества городов-государств, объединенных центральной властью. Несмотря на то что Греция, как и Финикия, пала под давлением мощных централизованных империй, ростки демократической традиции, сформировавшиеся там, повторялись в различных социально-политических устройствах и в современной истории. Финикийское государство представляло собой этнически многообразное объединение народов. Оно заполнило собой вакуум власти, который существовал на восточных берегах Средиземноморья после упадка Египта. В этом вакууме восточное Средиземноморье стало постепенно заселяться народами-кочевниками, строить укрепления, развивать мореплавание и мореходство.

Согласно библейскому преданию, новые протогосударственные структуры оказали существенную помощь королю Соломону, а в IX в. они поставляли ему кедр и другую древесину. В ответ на это Соломон снабжал их пшеницей и оливковым маслом. Ассирийская империя разрушила государство Израиль, но не финикийские протогосударственные образования вдоль восточного берега Средиземного моря. Ассирийцы заставили финикийцев платить им дань, но овладеть ими не смогли. Финикийцы развили общественно-государственные структуры, максимально приспособленные к существованию в условиях Средиземноморья. В IX в., расширяя свои торговые и производственные пути вдоль берегов Средиземноморья, финикийцы столкнулись с греками.

В числе многих греческих колоний наиболее известным был Карфаген (дата появления – от 814–813 гг. до н. э.), который основал свою собственную империю на западном берегу Средиземноморья. Финикийцы уступили грекам по всем измерениям общественной и тор-

гово-экономической деятельности. Позже, уже в VI в. они потеряли свою независимость – их оккупировали персы, которые активно использовали морские суда финикийцев, особенно в ходе войн с греками. Финикийцы были окончательно покорены Александром Македонским в 332 г. до н. э. Карфаген и другие западные колонии, однако, сохраняли свою автономию длительное время. Карфаген пал под натиском римлян в 146 г. до н. э., но Финикия оставалась ведущей державой в зоне Средиземноморья в течение почти пяти столетий. В отличие от других государств региона, таких как Сардиния и Испания, она владела отдельными портами. Каждый город-государство был политически независимым. Даже относительно небольшие города-государства на севере Африки никогда не были полностью поглощены Карфагеном. Финикия являлась первой по-настоящему морской державой, состоящей из довольно гибкого, но, тем не менее, устойчивого геополитического содружества городов-государств. Это протогосударственное образование стало основой диффузных децентрализованных государственных концентраций, в которых развивалась промышленность, грамотность и начало социальной организации, которые потом копировались в ходе становления государственных процессов в Европе.

Расширение грамоты и чеканка монет были важнейшими цивилизационными приобретениями финикийской культуры, которые дали мощный толчок развитию народов Средиземноморья. Раскопки, проводившиеся в районе Средиземноморья, доставляют многие свидетельства расширения грамоты, причем в довольно разных диалектных вариантах: шумерских, хеттских, египетских, киприотских и т. д. Позже о расширении грамотности свидетельствует появление таких же глиняных табличек на иврите и ханаанском языках. Финикийский алфавит был перенят греками около 800 г. до н. э. и расширен по всему Средиземноморью.

Государственные образования, таким образом, обрели свою устойчивость благодаря развитию грамоты, служившей мощным социальным средством объединения различных этнических группировок. Важнейшим качеством грамотности, способствовавшим этому, является демократизация обучения грамоте. Безусловно, поначалу грамотность была ограничена руководящей элитой, но в нее втягивались все новые и новые торгово-экономические слои, без которых нормальное существование государств было бы невозможным¹⁵. Параллельно этому развивалось и искусство чеканки монет. Развитие экономических связей и контактов требовало новых механизмов измерения, фиксации обмена товарными массами. Все это уже существовало в Египте, Вавилонии, Ассирии, однако движение в средиземноморские протогосударственные образования расширило сферу распространения государственности, способной развиваться за счет вовлечения в политический и хозяйственно-экономический оборот все более широких масс населения.

Арамейцы и финикийцы ввели в торговый оборот деньги, согласно существующим документам, уже где-то в VIII и VII вв. до н. э. Здесь же развилась практика выпуска личных монет и других денежных знаков. Американский исследователь Манн пишет по этому поводу: «Появление первых монет, которые признавались в ходе торговых контактов, способствовали сближению ближневосточных и средиземноморских цивилизаций. Торговые караваны распространяли эти инновации и в Малую Азию. Греческая традиция печатания монет исходит к полугреческому-полуазиатскому царству Лидии в VII столетии до н. э. Археология поддерживает этот вывод... Монеты обладали изображением на обеих сторонах. На них обязательно была надпись королевства или города-государства, что затрудняло их подделку. Первые монеты были высокого качества и высокой стоимости, так что индивидуальными торговцами они не воспроизводились»¹⁶.

Первым видом деятельности, которая оплачивалась первыми монетами, была военная деятельность. Использование монет распространилось по основным торговым путям вдоль

¹⁵ William H. McNeill. *The Rise of the West*. Chicago, 1963. P. 147.

¹⁶ Michael Mann. *Op. cit.* P. 194.

Средиземноморья в восточном направлении в Персию и в западном – в Грецию. В среде новых образований выделялась Греция. Ее народ интенсивно занимался торговлей и поставкой торговцев и наемников соседям. К началу новой эры Греция обладала городами-государствами, для которых было свойственно демократическое устройство, гражданское самосознание.

Производство монет служило не только средством расчета и создания стоимости, но и своеобразным свидетельством принадлежности. Считается, что денежная экономика возникла в Афинах около 575 г. до н. э. Сам факт внедрения монет в экономический и торговый оборот предполагал наличие двух независимых носителей власти: центрального государства и децентрализованного класса торговцев и промышленников, способных к самостоятельной социальной и экономической мобилизации. Одно не растворялось в другом – это было диалектическое взаимодействие, когда торгово-предпринимательское сословие нуждалось в защите государственной власти от конкуренции, а часто и от самих себя.

Историческое наследие Греции для современности состоит в формировании трех важнейших институтов: города-государства или полиса, культа разума и политической борьбы. Некоторые исследователи называют это революцией структурной реорганизации общества по трем направлениям, которые были абсолютно необходимы для формирования государства и функционирования власти. Манн говорит, что Греция завещала эти три института современности и создала традицию, на которой основана западная цивилизация¹⁷ Земля Греции мало подходила для развития интенсивного сельскохозяйственного производства. Плодородность ее долин была невысокой. Голые горные массивы вдоль побережья не благоприятствовали политическому объединению, однако морские путешествия помогли Греции создать уникальную цивилизацию, которая и сегодня вызывает восхищение исследователей.

Греция сумела реализовать уникальность своего географического положения между Европой и Ближним Востоком. По мере того как в Европе развивалось сельское хозяйство, греки перехватывали производимую там продукцию и поставляли ее на Ближний Восток. Торговые караваны дорийцев, ионийцев и других, по существу, фактически объединяли Европу и Азию. Греция образовала много колоний по берегам. Она знала периоды взлета и упадка, но в течение столетий ее развитие впечатляло соседей, и молва о ее успехах сохранялась в последующих поколениях.

В новых государственных образованиях греческих городов формировалась как аристократия, так и плебс (простой народ), который вдохновлялся идеалами свободы и автономии. По мере того как греческие города богатели в результате торговли и военных захватов, противоречия между происхождением и богатством смещались. Богатство выдвигалось на первый план и становилось основой политического поведения и стремления к власти. Манн говорит о том, что «...греческий полис был самоуправляющимся территориальным образованием с городским центром и сельскохозяйственным окружением, в котором каждый землевладелец мужского пола, аристократ или крестьянин, рожденный на этой территории, обладал свободой и гражданством. Двумя важнейшими понятиями здесь были равенство граждан среди землевладельцев, преданность и лояльность территориальному городу больше, чем к семье или родству»¹⁸.

Характерно, что на всех этапах развития сохранялось ощущение или понятие родства, используемое как основание для расширения государства и его влияния. Эта традиция сохранилась в течение столетий, и даже сегодня формирование крупномасштабных национальных государств содержит в своей основе этническое, расовое единство, хотя по большей части в крупных государственных образованиях оно трудно просматривается.

---

¹⁷ Ibid. P. 195.

¹⁸ ibid. P. 197.

Греческий полис сумел сформировать у своих граждан то, что исследователи называют территориальной лояльностью. Одним из первых это заметил Аристотель, который считал, что главным качеством полиса является то, что он формирует территориальную общность. Осознание территориальной общности ограничивает влияние аристократии, основанной на общности по происхождению (по крови).

Таким образом, в развитии полиса наблюдается тенденция демократических образований, требующих вовлечения в управление ими активного участия масс населения. Система полисов в эпоху появления железа как основы индустриализации в среде владельцев сельского хозяйства стала первым условием объединения греческих полисов во множественную государственную систему. В эпоху железа торговля и военная организация укрепляли государство, содействуя накоплению богатства, его надежной охране и использованию для дальнейшего развития. При этом многие исследователи отмечают, что торговля не была главенствующим звеном в данном процессе и особенно не выделялась она греками. Торговля на короткие расстояния организовывалась обычно профессиональными купцами, часто иностранного происхождения. Их положение в полисе было маргинальным. Коммерсанты и крестьяне являлись поначалу свободными. Выходит, что политическая организация не была прямым следствием взаимодействия социальных сил. Хотя отдельные полисы были унитарными по своему образованию, экономика таковой не являлась. Не существовало единой налоговой системы, единого цикла производства, распределения и потребления; была даже определенная разобщенность между производством и активностью крестьян на местных рынках, что питало противоречия местных рынков и крупных торговых сетей. Это создавало определенный дуализм торгового и крестьянского сословий, который сохранился даже тогда, когда греки научились контролировать торговлю.

Без торгового развития существовать полисам было невозможно. Грекам надо было закупать железо. За него они платили сельскохозяйственной продукцией, такой как оливковое масло и вино. Избыточное производство этой продукции помогло укрепить основу греческой цивилизации. Греческие полисы, которые образовывались далеко за территориальными пределами самой Греции, представляли собой своеобразный синтез сельскохозяйственного производства и торговых центров. Создавался особенный архипелаг греческого присутствия вдоль Средиземноморья, который таким образом оказывался под подпольным контролем греков. Греция развивалась как множественность городов-государств, которые объединяла торговля и общность экономической деятельности. Как раз в этой среде сосуществующего торгового-экономического и сельскохозяйственного разнообразия родились первые демократические принципы управления городом-полисом. Никогда до этого в известной истории крестьяне не участвовали в управлении цивилизованным обществом путем голосования, после свободной дискуссии в ходе открытых публичных формирований и встреч.

В соседних Эритреи и Риме экономическое развитие управлялось и контролировалось аристократическими городами-государствами. Территориальная и политическая самоидентификация не обязательно совпадали. Эти ростки появились в основном в греческих городах-полисах. Хотя их становление было постепенным, четкие контуры демократического самоуправления здесь обнаружили себя только в VII или VIII в. до н. э. Способствовали этому военная организация, появление фаланг (hoplite).

К VIII в. до н. э. появление металлов и накопление богатства благодаря развитию сельского хозяйства и других отраслей экономики позволили грекам сформировать военные структуры, которые стали существенным средством распространения их влияния по всему Средиземноморью. Федеральные протовоенные образования, возглавляемые выходцами из аристократических семейств, были заменены мощной, хорошо организованной и вооруженной, постоянно действующей армией. Слово hoplite обозначает «сильно вооруженный». Оно подразумевает армию, объединенную в одну мощную структуру, постоянную тренировку и

организацию, нацеленность на определенные задачи и разработку стратегии и тактики их решения. Существование армии и использование ее для целей защиты своих приобретений и захвата новых территорий создавало весьма интенсивную социально сплоченную среду внутри греческого общества. Понятно, что вооружение требовало определенных средств. Разбогатевшие фермеры становились фалангистами, и такое внедрение в формирование новой социальной структуры стало также весьма мощным фактором демократизации, отстраняя от процесса управления аристократические семьи.

В обществе разгорелась острая борьба за конституцию, в которой монархическим, аристократическим противостояли демократические принципы. Она продолжалась в ходе VII и VI вв. до н. э.¹⁹. В ходе дискуссии и борьбы вырисовывалась и реализовывалась идея «унитарного общества», носителем которого является город-государство. Причем дискуссия велась не столько по вопросу об облике нового государства, сколько по проблемам, как им управлять наилучшим образом. В итоге споров по проблемам управления родилась своеобразная государственная форма – «демократия и богатство». Аристократическая формула правления выжила в некоторых северных городах-полисах этой территории. Там сохранились и традиционные формы монархического управления, которое выражалось в крайне агрессивной тирании. Однако вся масса граждан (демос) в большинстве государств-полисов требовали демократического управления. Демократические управленческие структуры расширялись благодаря росту экономического благополучия городов и действию фаланг. Манн говорит о том, что «... главным вкладом фаланги в общественную жизнь города-государства была интенсификация преданности сельскохозяйственных производителей комиссионному праву. Солдат фаланги являлся частью местной экономики, и это требовало политического союзничества со своими товарищами в той же мере, в которой ему требовался щит и меч»²⁰. Быть членом фаланги стало наилучшим призванием для молодого человека, где он мужал не только как активный деятель, храбрый в военных подвигах, но и как законопослушный гражданин, подчиняющийся интересам сообщества в городах-полисах. Манн называет это общественно-политическое состояние греческого города-полиса выдающимся мастерством. Оно формировалось в условиях демократических процедур, участия всего населения в обсуждении вопросов и проблем повседневной жизни, реализации планов, особенно военных экспедиций, и формировании на этой основе законов, которые предполагали повиновение, послушание, лояльность²¹.

Фаланги отдельных городов-полисов активно сражались и между собой. Однако военные действия тоже подчинялись определенным правилам. Война объявлялась после того, как она была подробно обсуждена на городских ассамблеях. Одним из правил ведения военных действий было условие, чтобы они не мешали сельскохозяйственному производству. Это объединяло множественность городов-полисов в единый полис и формировало общую культуру, в которой центральное место занимала легитимизация складывающейся политической системы. В ходе первого вторжения персов (490 г. до н. э.) фалангам пришлось очень сложно. В обмундировании и экипировке были произведены серьезные усовершенствования, появился облегченный шлем, а тяжелые бронзовые наплечники и кольчуги были заменены щитами. В итоге персы, правда, в изображении греков, были поражены массовыми выступлениями греческой пехоты, против которой оказалась бессильна даже кавалерия (тогда еще всадники не имели седел и держались на лошадях весьма непрочной). Характерно, что тактику фалангистов использовали не их современники во время пленения, а гораздо позже – финикийцы, македонцы, римляне.

---

¹⁹ A.M. Snodgrass. The dark age of history. Edinburgh, 1971. P 12–15.

²⁰ Michael Mann. Op. cit. P. 210–225.

²¹ Ibid. P. 225

С учетом того, что военная сила являлась важным фактором существования городов-государств, среди них выделилась Спарта. Именно с ней исследователи связывают первое устоявшееся проявление демократического правления (в промежутке между 500–450 гг. до н. э.). Все взрослые спартанцы были фалангистами, владели одинаковым количеством земли и имели право участия в городских ассамблеях. Спарта играет особую роль в истории греческих городов-полисов, так как ее военная сила использовалась для освобождения ряда этих городов от правления тиранами. Спартанский тип демократии назывался *eunomia*, что означает «хороший порядок, предполагающий жесткую дисциплину и равенство».

Характерно, что в современном демократическом дискурсе довольно часто используется данный термин для определения качества демократического управления – *good governance*, однако термин «порядок» получил не совсем положительную репутацию в условиях конфликтов начала XXI в., когда США, претендуя на управление миром в контексте едиоцентризма, стали говорить о порядке, основанном на правах (*rule based order*), как противостоящем международной договорной системе, сложившейся в XX в. после окончания Первой и Второй мировых войн, и предполагавшем единоличное право США формировать правила поведения в этом порядке.

Демократический процесс в городах-полисах развивался и в V в. до н. э. Афины обошли Спарту по реализации демократических принципов. Групповая лояльность здесь предполагала открытость в обсуждении проблематики и идентификации граждан с многогосударственной структурой городов-полисов. В Афинах появился термин этнической принадлежности – «греческий». На этой основе, несмотря на острые внутривнутриполитические сражения и дискуссии, возникла общая идентичность – эллинская. Географическое название только одной местности «Эллада» стало объединяющим термином греческой самоидентификации. Греки начали считать себя народом, происходящим из общего этнического древа. Исторических доказательств этому не приводилось, но было одно очень важное свидетельство – общность языка. По мере возникновения и развития письменности в VIII и VII в. до н. э. этнические языковые разновидности сливались сначала в четыре общие диалекта, а потом в один язык, и на этой основе возникло и понятие единого народа. Конечно, диалектические различия сохранялись. Но они не совпадали с политическими границами. Национальное единство, безусловно, нашло свое выражение и в единстве греческой религии, синтезированной Гомером и закрепленной институционально в таких феноменах, как дельфийский пророк, олимпийские игры, театр. Исследователи различных объяснений первоначальных источников этого единения сводят его первоначально к Ионии – возможному месту проживания Гомера и Гесиода. Считается, что в этой местности свершилось уникальное объединение индоевропейских богов с местными верованиями, представленными богами плодородия, культами и ритуалами, заимствованными на Ближнем Востоке.

Другие исследователи становление этнического единства греков сводят к влиянию моря, формировавшего кочевой образ жизни, перемещение и перемену диалектов, культур, индивидуальностей. С учетом явного превосходства морских путешествий над наземными транспортными передвижениями широко распространившийся греческий мир объединялся коммерческим интересом. Рост народонаселения в благополучных городах-полисах компенсировался рассеянием по морскому побережью. Исследователи говорят, что в период между 750–550 гг. до н. э. насчитывалось более тысячи греческих городов-полисов. Конечно, в таком множестве нельзя преувеличивать степень интеграции и центрального контроля. Каждый город-полис жил абсолютно автономной жизнью, по крайней мере между октябрём и апрелем, когда морская навигация по звездам была трудно осуществима. К тому же морские путешествия были достаточно длительными. Военная галера проходила не более 50 миль в день, коммерческие суда могли покорять немного большие дистанции при условии умелого использования розы ветров. Все это время морская навигация имела в основе своей ориентацию на землю. Далеко

от берега уклоняться было невозможно. Это и привело к своеобразной политической и дипломатической стабилизации городов-полисов – все были на виду у всех, все развивались достаточно самостоятельно, но без морских путешествий, объединяющих их, существование каждого из них было бы гораздо менее благополучным. В то же время стратегия расширения и захвата, которую исследователи называют ранним античным империализмом, носила децентрализованный характер.

Греция стала первой цивилизацией, обладающей культурой письменности на всем протяжении своей территории городов-полисов. Алфавит был заимствован у финикийцев. Греки его слегка изменили введением новых гласных, но он сохранил свое первородство. Именно письменность считается самым мощным фактором формирования единой греческой цивилизации, а условие существования производственной и общественной активности породило первые демократические институты. Возможно, демократическому управлению, требующему активного участия граждан в решении задач жизнедеятельности, была обязана письменность. Интенсивная торгово-экономическая деятельность и морские путешествия способствовали тому, что письменность из закрытого аристократического слоя общества распространилась на все население. В Афинах в середине 500-х гг. до н. э. письменность была уже делом большинства граждан. Именно в это время появляются свидетельства об образовании школ и соответственно систематического обучения подрастающего поколения. В Афинах уничтожающей характеристикой гражданина было «он не может читать и не умеет плавать». Неумение читать означало неучастие граждан в управлении обществом, а неумение плавать означало невозможность достаточно профессионального занятия в условиях морского государства.

Многие исследователи сегодня говорят, что важнейшим средством демократической диффузии в греческих городах-полисах была коммерциализация сельского хозяйства. Она образовалась на стыке VI и V вв. до н. э. Греки обучились обработке земли и использованию моря как наиболее дешевого вида транспорта для распространения продуктов. Это обеспечило не только сильный рост сельскохозяйственной продукции и интенсификацию торгово-экономических связей, но и распространение принципов свободного самораспределения производства и существования людей в греческих полисах. Экспансия греческих городов-полисов вдоль побережья закончилась на исходе 500 г. до н. э. Однако рост экономического благополучия породил социальное неравенство, а вместе с ним и социально-экономическую напряженность, противоречия и борьбу. Это не мешало развитию сельскохозяйственного производства, благодаря чему некоторые исследователи сегодня прибегают к метафоре, что оливковая ветвь и виноградная лоза внедрились демократию в Греции, а затем в Западный мир – коммерциализацию. Успех сельскохозяйственных производителей и городов-полисов напряженно толкал и военное развитие. Расширение торговли требовалось в создании систем защиты на море против пиратов и на земле против финикийцев и персов. В середине VI в. до н. э. Спарта была господствующей силой на земле, а Коринф и Афины – на море. Афины нуждались в импорте зерна для продовольственного обеспечения своих граждан. Торгово-экономическое преимущество Афин обеспечивалось еще и тем, что на относительно малой территории были открыты мощные залежи серебра, которые использовались для чеканки монет. Военно-морские и торговые путешествия Афины могли оплачивать лучше, чем другие города, этим, пожалуй, и объясняется то, что Афины в исторической памяти об этой эпохе называют классической Грецией.

Конечно, соотношение греческого полиса и военно-морской галеры никогда не был легким. В период расцвета Афин (500 г. до н. э.) военные и гражданские интересы согласовывались, однако демократическая процедура обсуждения и решения злободневных вопросов вызывала у богатой и все более замкнутой части населения недовольство. Аристотель заметил эту особенность, когда сказал о том, что развитие крупных галер неизбежно приводит к диктатуре пловцов в гражданской жизни. Он даже высказывает пожелание, чтобы пловцы не были равноправными гражданами, участвующими в обсуждении вопросов. Однако демо-

кратическая процедура, установившаяся как форма правления, исключала это, поэтому проблемы обострялись. Гребцы с галер являлись свободными гражданами в течение длительного времени. Все изменилось, когда ввиду интенсивного строительства галер стало не хватать свободных граждан и в качестве гребцов использовались рабы. Возник острый конституционный конфликт реформы Солона в 593 г. до н. э.: гражданство определялось путем разделения жителей на четыре имущественных класса, смотря на количество бушелей зерна, которое мог поставить каждый класс. Первых три класса (500, 300, 200 бушелей) в основном формировал класс гоплитов, четвертый (нижний класс) – класс «свободных бедняков», которым не полагалось занимать должность, хотя за ними оставалось право свободного самовыражения во время ассамблеи. Бедняки стали активно использоваться в качестве гребцов, но это отнюдь не увеличивало их формальные конституционные права, что обеспечило демократическую структуру общества достаточно разделенным, можно сказать даже поляризованным, состоянием.

Усилению власти греческого полиса в значительной степени способствовало и становление военно-морской мощи. Она ставила перед небольшими греческими самоуправляющимися городами серьезные проблемы. Если все большее число хорошо экипированных галер означало значительное усиление военно-морских возможностей, то рабов в качестве гребцов требовалось больше, чем было граждан в самом городе. Да еще небольшой город-полис Эгина изобрел трирему – галеру с тремя рядами гребцов. В битвах Эгине требовалось до 6 тыс. человек гребцами на галерах и фалангистами. Население поставляло не более 2 тыс. человек. Древнегреческий историк Фукидид рассказывал об очень интересном дипломатическом диалоге между Афинами и Коринфом в 432 г. до н. э. Коринф стал перекупать гребцов в Афинах. Перикл, самый авторитетный человек Афин в то время, пытался защищать своих гребцов пропагандистски, говоря о том, что их гребцы не только лучшие, но и на самом деле исполняют гораздо больше функций, часто включаясь и в сухопутные битвы.

Рост военно-морского могущества породил своеобразную иерархию. Более благополучные и процветающие греческие города-полисы перекупали граждан и рабов у более бедных. Широкая многогородская система вступала в полосу кризиса. Определенные социальные изменения вызывали и сухопутные войны. Все больше граждан из неблагополучных городов шли на службу в более благополучные. В числе благополучных в V в. до н. э. однозначно выделились Афины. Приток желающих участвовать в военных экспедициях Афин был столь велик, что в 450 г. до н. э. Афины приняли решение, ограничивающее предоставление гражданства вольнонаемным фалангистам. Военная и коммерческая экспансия породила расслоение в социальных структурах. Более сильные государства стали развивать искусство управления, в более сильных городах-полисах стала возникать философия господства, стратегия навязывания своей воли и интересов более слабым.

В Афинах развилась особая политическая система, которая сначала называлась «изомомия» (равный порядок или равенство перед законом), затем постепенно к концу V в. до н. э. она эволюционировала в демократию (власть народа). В течение более ста лет в Афинах процветала так называемая демократия участия. Несмотря на большую численность граждан, активно работали ассамблеи, которые в основном выражали волю их руководства. Совет – главный орган управления – под давлением электората часто обновлял свой состав. Это означало, что примерно 1/3 граждан старше 30 лет в течение одного срока могли участвовать в органах управления и демократических структурах. Важнейшим признаком афинской демократии была исегория – свобода слова. Естественно, не в современном ее толковании как свобода от всякой цензуры, но в активном выражении реализации права высказывать свое мнение во время ассамблеи граждан.

Обычно инициаторы открывали дебаты следующим кличем: «У кого есть хороший совет для полиса, пусть он выскажет его вслух». Возрастание влияния Афин среди греческих городов-полисов содействовало расширению демократических принципов массового участия в

решении проблем городского общежития. Социальная организация греческих городов-полисов была представлена тремя взаимодействующими структурами власти. Первой сетевой структурой власти, как уже отмечалось, был демократический полис – уникальный продукт крестьян-землевладельцев, которые оказывали серьезное влияние и на настроение городских собраний, и на формирование фаланг, и на оплату военно-морского строительства. Городские собрания были относительно немногочисленными, и некоторые из исследователей отмечают, что истинные демократические процедуры могут осуществляться только в небольших по численности автономных организациях.

Афины были самым большим городом-полисом, однако с небольшой территорией в 2500 км². В IV в. до н. э. максимальная численность населения (граждан) Афин составляла около 250 тыс. человек, из которых около 30 тыс. были лица мужского пола, а до 100 тыс. – рабы. В среднем городские ассамблеи посещали до 6 тыс. человек. Спарта, в свою очередь, территориально была намного больше – около 8500 км². Однако ее население составляло 250 тыс. человек, т. е. примерно равное Афинам, из которых гражданами являлись всего 2 тыс. человек²². Территория Афин была равна примерно современному Люксембургу, а население было намного меньше, поэтому демократические процедуры, чтобы оказывать серьезное влияние на повседневную жизнь, были достаточно интенсивными и частыми, а решения исполнялись достаточно добросовестно.

Таким образом, полис был первой политической структурой, сетью, которая централизовала и координировала демократическую активность граждан. В полисе сформировались социальные страты и понятия, отражающие повседневную жизнь. Греческие города-полисы вызвали появление не только демократии, но и тирании, монархии, аристократии в различные периоды своего развития, однако к концу последних веков до нашей эры там процветала демократия.

Второй сетевой структурой власти являлась национальная и культурная идентичность населения греческих городов. Это помогало взаимопониманию, а город благодаря этому функционировал как геополитическое, дипломатическое, культурное и даже лингвистическое единство, что давало ему возможность выступать субъектом исторического действия. Война между городами-полисами была достаточно частым явлением, однако она не воспринималась как гражданская война, ибо города обладали достаточной территориальной идентичностью, что позволяло им действовать в качестве самостоятельных политических единиц. В целом некоторые исследователи называют структуру городов-полисов федеральной, возникшей как результат активной морской и военной деятельности относительно небольших городов на всем побережье Средиземноморья.

Третьей сетевой структурой власти можно назвать идеологическую. Это была своеобразная идеология равенства, в которой обеспечивалось достоинство и уважение всякому гражданину мужского пола и зрелого возраста. Здесь, похоже, не было первичных этнических признаков объединения. В греческой философии фигурировало объединенное человечество. Исследователи часто цитируют мысль Софокла: «...человеческая раса едина – в один день возникли все мы, порожденные нашими отцами и матерями. Ни один человек не является более совершенным по отношению к другому, но каждому человеку выделен его объем несчастных дней, равно как и счастливых. А на некоторых довлеет всей своей тяжестью рабство»²³. Фукидид говорил о единой природе человека, в которой понятия грека и варвара только переходные. Варвар может стать греком, а грек может попасть в рабство. Говорилось даже о единстве человечества, основанном на человеческом разуме²⁴. Правда, право на разум признавалось только

²² *ibid.* P. 236.

²³ D.J. Wiseman. *Assyria and Babylonia – 1200–1000 be.* Cambridge, 1975. P. 98–115.

²⁴ J.H. Moulton. *Early Zoroastrianism.* London, 1913. P. 16–121.

за свободными людьми – гражданами. Эта жесткая ограничительная формулировка смягчалась убеждением, что греком-эллином можно стать благодаря шлифовке своего собственного разума, обучению, оттачиванию своих мыслительных и ораторских способностей. Манн пишет по этому поводу: «Человечество представлялось как один общий вид, а его адаптация к местным условиям отнюдь не порождала различные группировки, а представляла собой процесс диффузии культуры, диффузии социального опыта. Концепция общечеловеческого единства для древних всегда была гораздо более очевидна, чем их взаимные различия. Греки в своей философии дали этому единству исчерпывающее выражение. Это понятие сыграло свою решающую роль в формировании их политической организации. Ее влияние было столь же значительным и в формировании новых универсальных религий, которые начали возникать в этой среде»²⁵.

Отсюда в философии древних возникло несколько важных теоретических предпосылок, которые потом сыграли свою роль в формировании западных ценностных установок. Прежде всего греческий город-полис сформировал среду, в которой отдельно действующий индивид мог ощущать себя способным планировать свою жизнь и иметь собственные взгляды. Это содействовало высокой оценке возможностей человеческого разума и его способности понять безграничный космос, что являлось и шагом вперед в развитии философской мысли. По сравнению с Египтом, где признание божественности фараона объективно служило гарантией социального порядка, в греческом полисе гарантией социального порядка постепенно становился сам индивид. В ходе истории городов-полисов Древней Греции, их взаимодействия и военных действий сформировалось понимание миропорядка как находящегося в состоянии равновесия (всякое неравновесие природного или человеческого происхождения считалось нарушением нормы существования). Отсюда сложилось греческое представление о широких возможностях человека, функциях его тела, любви и уважении к самому себе, к своим физическим возможностям.

Греческие города-полисы не избежали социальной дифференциации, которая развивалась и существовала в основном на двух уровнях. Граждане Афин обладали полными правами участия в ассамблеях и демократических процедурах, неграждане Афин, в основном рабы, находились в подчиненном положении. Производственные системы были нацелены на получение прибыли, накопление богатства двояким путем: во-первых, за счет интенсивной эксплуатации рабов свободными гражданами; во-вторых, извлечения средств к существованию и даже накопления богатства путем интенсивного развития сельского хозяйства. Отсюда и роль крупных землевладельцев в истории Греции того периода. Любопытно, что гораздо более болезненным и чувствительным социальное неравенство было между городами-полисами, чем внутри их. По мере того как некоторые города-полисы накапливали больше могущества и богатства, развивая военно-морские занятия и участвуя в постоянных военных авантюрах, одни города начинали довлеть над другими. С учетом военной опасности, исходящей последние 500 лет до н. э. из Персии и Карфагена, более могущественные города-полисы вынуждены были подчиняться целям защиты ойкумены более слабые города. Централизованная структура этой межгородской власти долгое время помогала греческим городам-полисам развиваться как самостоятельная цивилизация, которая потом оказала мощное влияние на формирование европейских цивилизаций. Уже в IV в. до н. э. возникли мощные межгосударственные и межцивилизационные противоречия не только между городами-полисами Афинами и Спартой, но, самое главное, и Персией, которые закончились Пелопонесской войной, означавшей исторический упадок греческих городов-полисов.

Структуры власти в ее первичной демократической форме, возникшие и апробированные в греческой ойкумене, оказались устойчивыми, способными к воспроизводству на более

---

²⁵ Michael Mann. *Op. cit.* P. 260.

поздних исторических этапах. Параллельно греческой цивилизационной структуре современниками финикийцев и греков были Ассирия и Персия. Конечно, исторические источники развития этих двух империй не столь многочисленны и надежны, как греческие, но характерными особенностями их формирования было господство побеждающих элит, принуждение к сотрудничеству побежденных народов в жесткой милитаризованной экономике и распространение социальной структуры классового господства. Как правило, в этих двух империях власть осуществлялась армией, привлекающей к принудительному сотрудничеству самостоятельные классы покоренных государств и народов. Если националистическая мотивация господства была гораздо более выраженной у ассирийцев, то персы сформировали определенную космополитическую элиту управления и власти. Ассирийцы взяли свое имя от города Асура, расположенного на севере Месопотамии на реке Тигр. Они говорили на диалекте, который назывался аккадским, и располагались на торговых путях: из Аккада и Шумера на юг, в Анатолию, и на север, в Сирию.

С появлением железа как основы производственно-экономической деятельности ассирийцы развили свою собственную империю, расположенную на речных берегах и торговых путях. Важную роль в становлении ассирийской государственности играло сельскохозяйственное производство, а землевладелец-крестьянин был важным элементом ассирийской государственности. Библейская традиция оставила характеристики ассирийской империи как милитаристской. Однако главная ее особенность, пожалуй, была в том, что вместе с персами они развивали автократическое правление, чуждое демократической традиции и процедурам участия. Мощным рывком в военном развитии ассирийцев явилось использование лошадей. Первые кавалеристские формирования принадлежат ассирийцам, их участие в военных действиях обеспечило победу во всех продвижениях Ассирийской империи на Ближнем Востоке. Ассирийская военная стратегия основывалась на скорости передвижения и массовой численности воинов. Неожиданные атаки ассирийцев вошли в историю как одна из самых эффективных форм покорения близлежащих народов древности.

В ассирийском обществе развилась сложная социальная структура, наверху которой было дворянство, землевладельцы, купцы и военные, сформировавшие национальное самосознание и идентичность. Важную роль в этой среде, как и позже в римских элитах влияния и власти, играли так называемые отсутствующие землевладельцы, т. е. владельцы крупных земельных угодий, которые вели праздный образ жизни в городах, используя ресурсы, наработанные крестьянами и рабами. Праздный образ жизни давал им возможность активно участвовать в политических делах и формировать определенное самосознание и единство. Исследователи говорят о том, что в Ассирии возник своего рода квазинационализм, который потом послужил образцом для становления подобного рода националистических настроений и националистической идентичности в других парэтнических объединениях, в частности иудаизм как форма более тесной этнической сплоченности и идентичности возник как военная угроза хорошо организованных ассирийцев и других имперских сил на Ближнем Востоке²⁶.

Характерно, что именно первые проявления национального самосознания в этнических формированиях Ближнего Востока создали одновременно и своеобразную атмосферу космополитизма. В ходе имперских завоеваний и сравнения различных цивилизаций Ближний Восток дал ростки устойчивого общецивилизационного этоса и структур поведения, которые потом в разных своих формах повторялись в истории Европы, Азии²⁷. В какой-то мере формирующаяся национальная идентичность содействовала и межэтническому сплочению в Ассирийской империи, а это сплочение, в свою очередь, обеспечило многие военные успехи ассирийцев в их противостоянии семитам и арамейцам. Однако имперские захваты имели и свою

²⁶ W. Westermann. The slave systems of Greek and Roman antiquity. Philadelphia, 1955. P. 96–117.

²⁷ Michael Mann. Op. cit. P. 266.

отрицательную сторону. Этническая самоидентификация свершалась не только у самих ассирийцев, но и у многих покоренных народов. И хотя зарождающийся космополитизм помогал сохранять это единство, все-таки социальные противоречия различных уровней развития покоренных народов способствовали тому, что ассирийцы теряли контроль над завоеванными территориями покоренных народов – приучить исполнять свои цели ассирийцы не смогли.

В период между 614 и 608 гг. до н. э. Ассирийская империя пала под натиском вавилонян. Однако теократическая тираническая традиция власти, сформировавшаяся в этой империи, обнаружила столь же устойчивую жизненную силу, что и демократическая традиция, возникшая в греческих городах-полисах. После падения Ассирийского царства геополитический баланс на Ближнем Востоке сохраняли Медина, Вавилон и Египет. Король Медины, по уверению Геродота, сумел организовать полиэтническую азиатскую армию, состоящую из копьеметателей, лучников и кавалерии. Это было явное наследие военной организации Ассирии. Им полностью воспользовалась и Персия. Кир II организовал империю персов, которая охватывала намного больше территорий, чем Ассирийская империя, организованная на властных традициях индийской и египетской сатрапии и покрывшая весь Ближний Восток и Малую Азию.

На пике своего развития Ассирийская империя простиралась с востока на запад на 3000 км, с севера на юг – на 1500 км. Считается, что ее территория охватывала 5 млн км² с населением около 35 млн человек. В течение 200 лет в конце новой эры Персия знала период мирного развития. Во главе ее находилась династия Ахеменидов, которая потом пала под военными ударами Александра Македонского. Понятно, что такой империей управлять из единого центра было очень трудно. Поэтому части Центральной Азии, Индии, Аравии были достаточно автономными, однако великий король персов управлял с помощью жестких методов. Система сатрапии развилась в Персии, которая в конце первого тысячелетия была поделена зятем Кира Дарием на 20 сатрапий, каждая из которых воспроизводила жесткую авторитарную структуру, сложившуюся в самой империи. Несмотря на то что сатрапия была достаточно автономной, внутренняя политическая власть осуществлялась жесточайшими методами принуждения. В Персии возникла ионийская письменность, однако считается, что сам Дарий был неграмотным. Постепенно образование расширялось в господствующем классе, создав мощную структуру власти, сплоченную зороастрийской религией.

Имя Зороастра означает «человек от старых верблюдов». Зороастр начал активную религиозную пропаганду, основываясь на божественном откровении и беседах с Ахурамаздой – «господином, который знает все». Он якобы поручил Зороастру разнести его истину по всему миру. Суть этого учения – два первичных духа, которые в ведении Ахурамазды проявили себя как близнецы лучшего и плохого. Близнецы реализуют свою суть в действии и в понятии. Один из них несет мудрость, другой – глупость. А Зороастр (в русском варианте он известен в основном как Заратустра) проповедовал послушание лучшему и обещал на этом основании благополучие и бессмертие²⁸. Считается, что учение Заратустры явилось предшественником религий спасения, говорящих о Едином Боге, единой истине и единой ошибке. Единый Бог – властелин Вселенной – воплощал в себе рациональность, которую благодаря своим способностям могли раскрыть люди. Путем раскрытия божественной истины люди обретали избавление от страданий и бессмертие. Одновременно это учение стало одной из первых доктрин эгалитаризма, так как каждый человек мог понять разницу между светом и тьмой и выбрать для себя путь спасения. Возможность обрести спасение давалась представителям любых социальных групп и классов.

Тем не менее это была не единственная доктрина спасения. В I в. до н. э. племена израильтян тоже развивали свои религиозные представления по монотеистическим принципам.

²⁸ F. Millar. *The Roman Empire and its neighbors* / F. Millar [et al.]. *The Emperor in the Roman world*. London, 1977. P. 16–44. London, 1917. P. 212–240.

Хотя израэлиты, придя к Единому Богу, естественно полагали, что он выделил их в качестве избранного народа, однако они признавали возможность всех народов и людей Земли приобщиться к Богу и его истине. Исследователи спорят, кто на кого повлиял больше: первичный иудаизм на учение Заратустры или наоборот. Персы между тем с гордостью говорят, что они помогли иудеям овладеть Иерусалимом, а Израиль был длительное время вассалом империи персов. Наверняка в ту эпоху могли появляться и другие монотеистические религиозные воззрения, однако по широким просторам империи персов распространилась все-таки религия Заратустры, и это была наиболее широко принимаемая первичная религия спасения. Персы не могли не соприкоснуться в ходе своей экспансии с греческими городами-полисами. Царь Ксеркс вторгся в Грецию в 480 г. до н. э. Греки в своих преданиях преувеличивали силу персов, однако она была впечатляющей. Персы проиграли эту схватку. Второе колоссальное поражение им нанес уже Александр Македонский. Автономия, которой пользовались отдельные подразделения империи, сыграла свою злую роль и обеспечила победу Александру Македонскому.

Традиции деспотии, раблепского подчинения, боязни свободы оказались устойчивы и воспроизводили себя во многих государственных образованиях в начале христианской эры. Деспотическая власть, будучи намного более жестокой, чем власть демократическая, тем не менее обладала большими слабостями и оказалась менее устойчивой. Если деспотизм заложил традицию полного и тотального подчинения государству, то демократия, сложившаяся в греческих городах-полисах, заложила концепцию свободы от государства, права на индивидуальность и самовыражение. В разные исторические эпохи она принимала различные формы, которые вели и ведут между собой упорную войну, однако две традиции – свободно-демократическая и авторитарно-деспотическая – формировали политические структуры человеческой цивилизации и продолжают формировать их и сейчас. Историки вправе сегодня объяснять победы Александра Македонского в том числе и демократической традицией – победы, действительно, впечатляющие с объединенной армией македонцев и греков численностью около 48 тыс. человек.

В 334 г. до н. э. Александр Македонский вторгся в Персию и в течение 8 лет покорил всю огромную территорию, захватив при этом и часть Индии. Он создал политические структуры, которые обеспечили равноправие побежденных персов, македонцев и других представителей греческих полисов. Этим Александр Македонский добился лояльности персидской знати, которую обучил методам македонской организации и дисциплины. Он даже осуществил единение Греции и Персии, организовав мощную свадебную церемонию, на которой более 10 тыс. его солдат вступали в брак с персиянками. Александр Македонский умер в 323 г. до н. э. Историки были безжалостны в оценке его личности: упрекали в излишнем пьянстве, которое якобы и послужило достаточно неожиданной причиной его смерти, поэтому никаких указаний относительно имперского наследования он не оставил. В III в. до н. э. на огромных пространствах Малой Азии возникли династии Македонцев, Селевкидов и Птолемея в Египте. Хотя правление осуществлялось деспотически, фактическое положение в трех монархиях было далеко от централизации и слабо управляемым. Греки не могли полностью реализовать задачу подчинения персов своим политическим и коммерческим целям. Греческая культура стала господствующей, греческий язык распространялся на всех территориях, греческое образование было престижным. Слияние персов и греков в ходе завоеваний македонской эпохи создало удивительное переплетение принципов управления и культуры. В этих трех государствах подспудно формировались другие мощные силы.

Греческая цивилизационная традиция постепенно передалась и Римской империи. Греческие государственные политические традиции проникли на итальянский полуостров. На их основе возникла Римская империя. В отличие от своих предшественников Римская империя оставила мощный архив своей семисотлетней истории, который и сегодня изучается не всегда должным образом современными историками. Их волнует и впечатляет тот уникальный факт,

что в течение 700 лет Рим сохранял свою идентичность, умело трансформировался, адаптируясь к силам противодействия и покоряя их, создавая, укрепляя и расширяя пределы Рима далеко за его первоначальные границы. Может быть, самым важным наследием Рима является имперская политика. Его военные успехи несравнимы ни с какими другими из его современников. В ходе покорения огромных территорий римляне развили формы принудительного сотрудничества. Италия в течение длительного времени ощущала влияние греков, господствующих на море.

Первым важным документом из Рима, который приводится Полибием, является договор 508–507 гг. до н. э. с Карфагеном. Он утверждал торговую монополию Карфагена на западе Средиземноморья взамен гарантии римской территориальной гегемонии. Это разделяло власть и влияние над территорией на суше и на море. На сегодняшний день нет исторических оснований для объяснения, почему в числе многих городов-полисов Италии выделился Рим и почему этруски не сумели удержать свое территориальное господство. Похоже, что Рим раньше других городов-полисов на итальянской территории сумел создать армию, которая была сильно укреплена кавалерией. Греческая фаланга, которая насчитывала несколько сотен человек, была преобразована в легион численностью до 4 тыс. человек, который подкреплялся кавалерийскими подразделениями численностью до 300 человек. Основной боевой силой легионов были выходцы из крестьян, обладавшие меньшим сознанием равенства между собой. Римский город-полис умело использовал и племенные традиции самоуправления. В социальной структуре первых римских городов-полисов важную роль играла семейная структура, во главе которой стоял отец – патриархат. Одновременно достаточно успешно функционировали общественные формы организации. Установилось четкое различие между *res publica* (государство) и *res privata* (частная организация). Каждая сфера защищала свои права и интересы, хотя государство постепенно накапливало средства принуждения к поведению, и структура власти перемещалась в центр. Появилось частное право, которое регулировало отношения между семьями.

Еще одним признаком политической организации в городах-полисах было появление классов граждан, организованных вокруг владения имуществом возможностями политического влияния. Далее в Риме возникло разделение между главным законодательным органом – Сенатом – и остальной частью граждан. Эта политическая структура обладала двумя главными элементами: сначала Сенат, а потом еще общенародные ассамблеи. В них существовало разделение на ордены – подразделения по имущественному и иным признакам. Собственно, современное понятие класса имеет римское происхождение. В древнем Риме слово *classis* означало определенную градацию обязанностей для военной службы в зависимости от имущественных возможностей. Считается, что их изобрел властитель Рима Сервий Туллий. Первоначально богатство определялось количеством скота, в особенности овец. В IV в. до н. э. появились единицы меры, отлитые в бронзе. В зависимости от наличия собственности, определяемой бронзой, формировались социальные подразделения и классы римского общества. По ходу времени права народной ассамблеи уточнялись, изменялись, формировались. При наличии достаточно жестко дифференцированной социальной структуры, определяющей качество гражданственности, личная свобода мужчин была полной. Голос имели даже пролетарии, не владеющие собственностью. Таким образом, новые формы общественной организации достаточно умело переплетали экономические критерии и военные потребности.

Рим утвердил свое влияние в Средиземноморье в результате двух пунических войн. Первая длилась практически непрерывно с 264 до 146 г. до н. э. В ходе длительных военных действий Рим построил мощный морской флот, захватил значительную часть территории и прекратил господство Карфагена на море. Во второй пунической войне (218–201 гг. до н. э.) блестящие военные успехи Ганнибала во главе небольшой армии не смогли преодолеть римского наступления. Рим научился подчинять государственную власть задачам войны и в

течение почти 200 лет вел войны, в результате которых Карфаген был вытеснен из Италии и значительной части Испании. Римляне проникли даже в Африку, уничтожая остатки военных формирований Ганнибала. Военные действия закончились унижением для Ганнибала миром и его пленением. В руках Рима оказалась вся западная часть Средиземноморья. Карфаген пытался еще в нескольких восстаниях отстоять свой суверенитет, но о восстановлении его имперского влияния в регионе уже не было и речи. Полибий приписывает победы Рима смелости его моряков. Он даже признает, что им удалось захватить несколько галер Карфагена и полностью скопировать технические и военные особенности. Однако решающим в покорении занятых территорий было разумное гражданское управление. Римляне давали гражданство всем покоренным народам и этническим образованиям, а также лояльным союзникам. В этом его лидеры были наследниками греческой традиции, благодаря чему образовали самое большое территориальное государственное единство, находящееся под центральной властью в истории того периода.

Таким образом, с первых шагов своего исторического существования Рим освоил и активно применял имперскую традицию покорения и центрального управления. Во главе территорий стояли магистраты, распорядившиеся достаточно крупными формированиями и гарнизонами легионеров. Это требовало существенных усилий централизованной власти для того, чтобы заменить добровольную (наемную) армию граждан регулярной армией легионеров. Легионер – престижная в то время профессия, которой посвящали всю жизнь. Однако постоянные войны и мобилизация мужского персонала вызвали упадок сельского хозяйства. Разорялись мелкие и средние фермеры, земля скупалась олигархатом, а безземельные крестьяне становились пролетариатом. Часть пролетариата поглощалась потребностями военных действий, но значительная часть не находила себе применения и не имела средств к существованию.

По мере того как армия расширялась, усилилась и ее дисциплина, она становилась автономной политической силой. Военные победы (покорение Испании и Северной Африки) вели к усилению общественной роли полководцев, которых сначала называли генералами, а позже – императорами. Так постепенно понятие императора как главного властелина наверху закрепилось в политической структуре власти Рима. Социальное дробление общества мало соответствовало тому равенству граждан, о котором любили говорить римские авторы. В обществе выдвинулась группа богатых людей, которые и обеспечивали функционирование власти и в значительной степени жизнедеятельность общества в целом. В последнем столетии до нашей эры особую известность получил Красс, считавшийся самым богатым человеком своего времени, обладая состоянием в 192 млн сестерций, которого хватало, чтобы дать пропитание и приют 400 семьям в год. Было немало и других состояний, которые превышали более чем в сотни раз средний прожиточный уровень римской семьи. Наличие больших состояний говорило о том, что в условиях военных действий число богачей вряд ли возрастет, тем не менее влияние их было чрезвычайным. Основные доходы получались в результате военных походов.

Военные походы приносили и множество рабов. В конце последних столетий до нашей эры империя сотрясалась восстаниями рабов. Понятно, что в этих условиях в Риме стали говорить о необходимости отмены рабства. Наиболее известный из деятелей этого рода – Тиберий Гракх. Вернувшись в Рим после длительного отсутствия, он был поражен концентрацией богатства в руках немногих, обеднением крестьянства и массой рабов. Как талантливый оратор он призывал к умеренности в жизни и обличал несправедливость и социальное неравенство. Гракха избрали трибуном народа. В этой должности он добился утверждения нескольких законов о землевладении, о более справедливом распределении богатств. Гракх выдвинул себя в сенаторы, однако в день выборов группа других сенаторов (крупных землевладельцев) убили его. Сторонники Гракха рассеялись. Эти события привели к серьезным социальным протестам и схваткам на улицах Рима. Так закончилось то, что исследователи называют «гражданским участием».

Власть вырабатывала определенные средства удовлетворения протеста обездоленных, выделяя им незначительную часть своих доходов. Однако имперское государство крепло. После военных поражений в Галии в 108 г. до н. э. консул Гай Марий провел серьезную военную реформу, сформировал наемную армию из числа пролетариев, которым гарантировалась определенная зарплата и доходы от грабежа в ходе военных действий. Последнее не записывалось ни в какие законы, но наемники хорошо об этом знали. Он также провел реформу структуры легионов, уменьшив их число, но усилив военную подготовку. Общественная роль военных возрастала. Между тем власть была сосредоточена в руках консулов, которые одновременно командовали и подразделениями легионеров. Тенденция размножения генералов-консулов требовала центральной власти, а центральная власть неминуемо должна была приобрести облик монархии. Противоречия между военной властью и политической властью консулы решали как могли.

В истории осталось много имен выдающихся консулов (Марий, Сулла, Помпей, Красс, Цезарь, Антоний, Октавиан и др.). Перед огромной территорией Рима со слабой центральной властью маячила перспектива: или распасться на отдельные царства, или один из консулов должен был стать главнокомандующим, императором. В 27 г. до н. э. Октавиан получил титул Августа и по факту стал императором. Период его власти знавал военные и другие успехи, что закрепило императорскую власть. Однако императорское правление сменялось и республиканским. Все зависело от очередной принятой конституции. Политическая структура Рима при этом оставалась практически неизменной от I в. до н. э. вплоть до 350 г. н. э. Историки полагают, что весь этот период Рим был империей, но не всегда во главе с императором. Однако вся территория управлялась армией под централизованным руководством и бюрократией. Манн пишет по этому поводу: «Это была монетарная экономика и образованное общество. В нем были заметны владельцы собственности. Она была космополитической и во многих отношениях поступала как децентрализованная форма управления провинциями, в которых была своя твердая власть. Однако по пути Персии Рим не пошел. Он инкорпорировал в своем составе все правящие элиты империи и навязал покоренному миру экстенсивную форму принудительного сотрудничества, которую я назвал бы экономикой легионеров. Две эти формы власти (власть провинции и армии. – И. А.) представляют Рим как первую империю в истории, которая начинает свое летосчисление с 100 года до н. э.»²⁹. В Риме образовались две массы населения внизу социальной иерархии: рабы и пролетарии. Пролетарии были свободными гражданами и не спешили заняться созидательным трудом. Всю тяжелую работу исполняли рабы. Однако огромное количество рабов становилось большой проблемой. В конце нашей эры в Риме рабы составляли до 40 % населения.

В целом массы населения жили достаточно обеспеченно. Цицерон говорил о том, что Сицилия снабжала Рим зерном и другими сельскохозяйственными продуктами. Сельское хозяйство было достаточно развито и в других колониях, что позволило применять новые методы земледелия, которые приводили к росту населения. Есть сведения о том, что в 225 г. до н. э. на территории Италии жило до 5 млн человек. Плотность населения доходила до 20 человек на 1 км². К 14 г. население увеличилось до 7-28 млн человек на 1 км². В ходе упадка империи в 400–500 гг. оно сократилось до 4 млн, зато потом, после распада, в отдельных регионах начался его рост и достиг 7 млн³⁰. В этой достаточно многочисленной массе нетрудно было мобилизовать необходимый контингент для наемной армии, развивать сельское хозяйство. По мере роста богатства рос и укреплялся класс владельцев собственности. Росло богатство и влияние провинциальных губернаторов. Цицерон сообщал о том, что для того, чтобы стать богатым, было достаточно найти средства для оплаты избирательной кампании, подку-

²⁹ Michael Mann. Op. cit. P. 294.

³⁰ Peter Brown. The later Roman Empire. New York, 1967. P. 66–69.

пить судебные власти, чтобы они закрыли глаза на нарушения в ее ходе, а потом использовать должность для обогащения. Цицерон признавал, что в Риме I в. до н. э. продавалось все. Покоренные народы беспощадно грабились, богатства накапливались в руках верхушки. Она умудрилась закрепить свое право на владение собственностью весьма жесткими законами.

До тех пор, пока военные успехи были значительными, богатства неограниченными, Рим как империя находился в достаточно стабильном состоянии. Империя управлялась в основном руководством провинций, так как они платили налоги и подкупали руководящую верхушку Рима, губернаторы могли находиться у власти в течение длительного времени. Главная задача в осуществлении власти формировалась очень просто: богатство дано немногим, а благополучие – массе населения, в ответ на это от нее требуется полное подчинение властителям. Губернаторы провинций, являясь представителями покоренных народов, овладевали римской культурой, осваивали правовые понятия и функции власти. К началу нашей эры в правящей элите Рима почти невозможно было выделить отличия руководителей провинции, владельцев большой собственности по этническим признакам. Все говорили на латыни, лишь немногие на ней писали, а многие владели и греческим языком. Из Рима внимательно следили за поведением губернаторов. Всякое отклонение от традиций римских законов и принципов поведения беспощадно каралось. Средством обеспечения единства империи была грамотность. Другие империи, существовавшие до Рима, не смогли обеспечить единство путем распространения в широких масштабах грамотности, формирующей духовное, а вместе с ним социальное и политическое единство общества.

При всем этом Римская империя не представляла собой какого-то уникального образования в тогдашнем мире. В это время уже существовала мощная Китайская империя, руководимая Ханской династией. Ее сила тоже состояла в формировании общеимперской идентичности правящего класса. Распространение грамотности среди элит в течение длительного времени оставалось фактором объединения власти как по ее структуре и функциям, так и по ее концепции. Однако экономика легионеров, распространенная по всей Римской империи, обладала и серьезными противоречиями. С одной стороны, от успехов легионеров в военных кампаниях зависело благополучие не только правящего класса, но и всего общества. Одновременно с учетом различий географического и исторического развития провинций многие из государственных функций децентрализовались, что порождало опасные тенденции разъединения. Основные доходы поступали из двух источников: от грабежа в ходе военных действий и приобретения наследства выходцами из богатых семей. Общественное достояние формировалось в основном из налогов. Рост доходов в результате военных успехов увеличивал и рост налогов. Несмотря на центральную власть и престиж императора, которого считали живым богом, по факту и функциям империя не была сплоченной и единой. Где-то до II в. в ней стали заметны тенденции к распаду. Три компонента социальной структуры Рима – плебс, высшие классы и бюрократия – обладали довольно значительной автономией. Плебс управлялся в основном провинциями. Наиболее обедневшие из них мобилизовались в армию, и общественное спокойствие сохранялось. Рим монополизировал право трактования законов, принятия законов, чеканки монет и неограниченную власть императора. Представители правящего класса – крупные собственники – и высшая бюрократия выражали покорность и возносили славу императору, но были весьма автономны в своем поведении в праве распоряжаться собственностью и судьбами плебса. Всякая концентрация власти была возможна только в результате военных успехов, повышавших ее престиж, или разумных управленческих действий императора. Эта ситуация не выработала у власти опыта предвидеть, предотвращать и ликвидировать длительные дисфункции в государственной структуре. Империя не обладала властными технологиями республики, позволяющими эффективно воздействовать на поведение масс, предотвращая социальные взрывы и бунты.

Постепенно возникали и обострялись противоречия между правящим классом, бюрократией и плебсом. Именно они привели к упадку и гибели Римской империи, которая и сегодня определяется как величайшая трагедия западной цивилизации. Современные западные историки упрощают исторические особенности распада и упадка империи, объясняя их нападками варваров и возникновением новой религии. Марксистские исследователи обвиняли рабство, а на самом деле упадок всякой империи, в данном случае Римской, соединяет в себе множественность факторов и многие некомпетентности и ошибки правящего класса³¹

---

³¹ H. Chadwick. The Early Church. London, 1928. P. 116–180.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.